

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ

ЗИМА 1238

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Даниил Сергеевич Калинин Злая Русь. Зима 1238

Серия «Военная боевая фантастика»
Серия «Злая Русь», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551821

*Злая Русь. Зима 1238: роман / Даниил Калинин: АСТ; Ленинград;
Москва; 2023
ISBN 978-5-17-156899-3*

Аннотация

Тумыны Бури, Бурундая и Кадана разбиты и рассеяны, Пронск и Ижеславец пережили несколько штурмов и выстояли благодаря самоотверженности русичей и смекалке Егора! Но четыре тумена Бату-хана уже осадили Рязань, китайские инженеры уже строят требушеты-манжаники и вихревые катапульты для решительного штурма города... А к Переяславлю-Рязанскому спешат по льду Оки три тумена лучшего монгольского полководца Субэдэя! Спешат навстречу рати великого Владимирского княжества, следующей от Коломны на помощь рязанцам...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Даниил Калинин

Злая Русь. Зима 1238

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 42

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Даниил Калинин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Нойон! Наши передовые разъезды докладывают: впереди показалась крепость орусутов. А перед ней строится большая рать врага!

Давно уже переступивший порог зрелости Субэдэй-багатур лишь скупой улыбнулся. Цель стремительного броска трех его туменов по льду широкой, полноводной летом Оки наконец-то замаячила впереди! И сподвижник, и военачальник великого Чингис-хана задышал часто и радостно: скоро битва! Победитель китайцев, меркитов, гулямов Хорезма, кипчаков, грузин, аланов и болгаров, переигравший и разгромивший орусутов на Калке, – именно он предложил покорять земли нойонов Арпана и Улайтимура зимой, когда скованные льдом реки превращаются в торные дороги...

Но каким же тяжелым оказался их путь по замерзшей Проне! Бесконечные засады и внезапно летящие стрелы из-за стены деревьев, подступающих к самой реке, преградившие путь туменам рогатки и стальной «чеснок», ранящий лошадей. А также специально растопленные полыньи, прихваченные лишь тонким льдом и присыпанные для незаметности снегом... Орусуты оказались очень хитры и крайне умелы в зимней войне, беспокоя нукеров Бату-хана частыми и болезненными ударами! А простой люд они спрятали в заснеженных непроходимых чащах и любые подступы к

лесным убежищам перекрыли непроходимыми засеками... И лишь спустившись по реке от Пронска, монголы сумели избавиться от совсем небольшого – как оказалось – отряда, тормозящего их продвижение.

В туменах хватало кипчаков и мордуканов, бывавших ранее в этих краях и ведавших про то, что река за городом сильно петляет на протяжении примерно шести-семи верст. И Субэдэй, страстно желая избавиться наконец от врага, мешающего продвижению орды, собрал двухтысячный отряд из лучших нукеров царя Пуреша, поставив над ним собственного сына Кукуджу. Нойон понимал, что враг устроит засаду уже за речной петлей, и отправил мордуканов срезать ее, зайти орусутам в тыл. Люди Пуреша привычнее всех покоренных к зиме и лесу, и в этот раз они доказали это делом, сумев пройти несколько верст по заснеженным чащам! Орда же, наоборот, шла медленнее, чтобы враг не решился оставить засады...

Кукуджу атаковал орусутов, когда последние уже напали из засады на передовой отряд кипчаков. И сын нойона отлично себя показал, заранее отрезав врагу путь к отступлению в лес, раскинувшийся по высокому берегу реки, послав в него пять сотен нукеров. Остальные же ударили по засаде с тыла, втрое превосходя орусутов числом! И хоть те сражались с бешеной яростью, но, атакованные с трех сторон (на помощь мордуканам пришли и кипчаки), были истреблены поголовно... Забрав с собой восемь сотен покоренных!

Но для огромной орды эти потери были ничтожны, и Бату-хан очень высоко оценил столь важную для скорого продвижения орды победу! И Кукуджу хоть до поры и остался кюганом, но вместо кипчаков получил под свое начало тысячу лучших батыров-тургаудов! Да не где-нибудь, а в тумене своего отца...

Сразу после сражения Субэдэй лично поспешил вперед всего с одним туменом соплеменников-урянхаев, в душе страшась, что, пройдя очередные десять верст, они вновь упрутся во вмороженные в лед рогатки, а из-за близко стоящих к реке деревьев вновь полетят разящие срезни... Но нет, ничего подобного не случилось ни через десять верст, ни через двадцать, ни через сорок... А после монголам стали попадаться отставшие группы беженцев, спешащих, но не успевших в Ариан – или Рязань, как называют этот город орусуты...

Как оказалось, не все жители попрятались в лесах по берегам Прони, кто-то не успел подготовить по осени зимовок, понадеявшись на силу княжьей рати, до кого-то просто не добрались гонцы княжича Михаила Всеволодовича. Кому-то не хватило телег или лошадей для быстрого бегства, а кто-то просто не мог идти на лыжах... Так нукерам достались первые белые рабыни, первый хашар, первые захваченные запасы зерна и мяса, а также скот. И боевой дух урянхаев тут же поднялся, они еще быстрее устремились к Арпану, гоня перед собой новых беженцев, коих становилось все больше с

каждым днем!

Все же наибольшая часть оруситов успела отступить в Рязань, где из-за спасающегося от татар простого люда в одном доме проживало по пять семей, ложась спать прямо на холодный пол. Ушли в стольный град княжества жители и рядом расположенного Белгорода, стоящего всего в дне пути от Ариана, на берегу реки Белой. И глаза нукеров Субэдэя горели жадным огнем, когда они подступили к окруженной одним лишь валом и одной лишь стеной крепости, так их манила богатая добыча!

Однако, когда спустя пару дней к Рязани вышли основные силы монголов, Бату-хан приказал Субэдэю идти дальше, теперь уже вверх по льду широкой реки Оки. Ибо захваченного нукерами нойона зерна и скота было совершенно недостаточно, чтобы прокормить всю орду, а севернее Ариана, по слухам, осталось еще много поселений, чьи жители не успели бежать! Ларкашкаки выделил верному сподвижнику своего отца три тумена – кипчакский, тюркский и монгольский, – и Субэдэй спешно повел на север мощное, едва ли не тридцатитысячное войско! Еще около сорока тысяч нукеров вместе со всем осадным обозом остались у Бату-хана, приступившего к осаде стольного града княжества...

Нойон, людям которого дали запасов лишь на несколько дней, сильно спешил, гоня впереди себя кипчаков на легконогих степных лошадях, и это позволило им перехватить многих беженцев, кто по незнанию своему все еще спешил

в Рязань... А после и тех, кто отчаянно бежал назад, теперь уже к Переяславлю-Рязанскому... Добычи было много, никакого сопротивления Субэдэй на своем пути не встречал, и вскоре нойон отправил Бату-хану огромный обоз с захваченным зерном и множеством скота, выделив под охрану его две тысячи нукеров.

А сегодня они наконец достигли и Переяславля! И впервые за время похода против монголов решилась выйти рать орусутов. Впереди нойона ждет настоящая битва! И при одной лишь мысли о ней у славного багатура кровь закипела в жилах, а руки налились былой силой – Субэдэй жаждал славной сечи, жаждал увидеть, как батыры его сокрушат врага!

Но азарт предвкушения будущей схватки не затмил разум темника. Нужно было старательно разведать о силах орусутов, узнать, где они развернули свои боевые порядки, построить собственные тумены так, чтобы сокрушить противника! В том числе и с помощью засадного удара монгольских тургаудов и бронированных хасс-гулямов Хорезма... Совмещая наскоки легких всадников-лучников и последующее ложное отступление под удар тяжелой конницы, Субэдэй побеждал русских князей на Калке, грузинского царя Георгия в Котманской долине, так он громил ранее хорезмийцев и китайцев... И сегодня, если рать орусутов действительно столь велика, что сравнима числом с тремя его туменами, он постарается вновь использовать свой излюбленный прием!

Воевода Еремей напряженно следит за тем, как расползается по заснеженному полю огромная рать поганых, поднявшаяся по Оке от Рязани. Тревожно, муторно стало на его душе, в очередной раз задался воевода вопросом: неужели пала вся дружина Юрия Ингваревича? Неужели захвачен стольный град княжества, обороняемый едва ли не всей его ратью?!

Юрий Всеволодович, великий князь могучего Владимира и первый среди русский князей, давно готовился к приходу орды степняков. Более десяти лет приходили с востока тревожные вести, более десяти лет волжские болгары сдерживали натиск монголов на своей восточной границе. И понимая, что земля давнего соседа, нередко становившегося врагом, стала для русичей настоящим щитом, Юрий Всеволодович не беспокоил болгар военными походами, а наоборот, оказывал им всемерную поддержку. Одновременно с тем обновлялись и владимирские крепости, ковалось новое оружие, росла княжеская дружина... И когда пришла весть, что подступили поганые к порубежью соседнего, Рязанского княжества, когда прибыли во Владимир послы Юрия Ингваревича с просьбой о помощи, князь не медлил ни минуты, приказав срочно собирать рать! Да и сам отправил гонцов о помощи уже в Киев, к брату Ярославу Всеволодовичу, а еще в Нов-

город, где до поры за отца правил молодой княжич Александр, племянник Юрия. Послов же татарских, что прибыли чуть позже рязанских, великий князь принял со всем возможным радушием и долго увещевал, назвавшись союзником хана Батыя, но... Это были лишь слова, имеющие цель или отсрочить, или вовсе предотвратить войну. Однако сам Юрий Всеволодович не верил, что «покорители вселенной», завоевавшие весь восток и Дешт-и-Кипчак, согласятся лишь на союз. И как только была собрана достаточная рать, он отправил ее от Владимира к Рязани во главе с воеводой Еремеем Глебовичем и старшим сыном Всеволодом Юрьевичем. И воевода изо всех сил спешил на помощь... Да, видно, не успел.

О том, что с юга по Оке следует огромная рать поганых, Еремей, коему великий князь доверил общее командование (а еще и жизнь старшего сына, названного в честь деда), узнал от беженцев. И, поразмыслив, старый, опытный военачальник, успевший повоевать на своем веку и с булгарами, и с мокшей, и с орденом меченосцов да литвой под началом Ярослава Всеволодовича, решил принять бой у стен Переяславля.

Оставив не самую слабую крепость в тылу, воевода построил многотысячную рать в междуречье Трубежа и Лыбедя, преградив путь врагу двойной линией надолбов, замороженных в утопанный снег. Подъем со стороны обеих рек ратники старательно залили водой, превратив их берега в

ледовые горки, на которые конному невозможно подняться. Пеший же осилит подъем, лишь старательно вгрызаясь в лед ножом или кинжалом, и то лишь недюжинный силач со стальными пальцами!

На случай возможного обхода и отчаянной попытки преодолеть ледовый подъем в тылу пешцев воевода оставил тысячу конных лучников – потомков берендеев, переселенных во владимирские земли еще при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском. Тех, кто еще не растворился среди русичей и сохранил традиции конного степного боя... Берендеи успеют подлететь бодрым галопом к месту прорыва, обрушат град стрел на тех, кто с трудом карабкается по льду, отбив поганым всякое желание обойти владимирскую рать! Нет уж, бить врагу только в лоб – сквозь линию надолбов...

За вмороженными в землю, склоненными ко врагу заостренными колющими встали многочисленные пешцы. В центре – спешенные княжеские гриди и городское ополчение Владимира да Москвы; московские белые сотни известны как лучшие в княжестве топорщики, многие из них облачены в кольчуги и шеломы. По левую руку встала тысяча новгородской панцирной пехоты в чешуйчатой броне, с тяжелыми рогатинами и ростовыми щитами. Среди них также полторы сотни воев с самострелами, что легко пробивают рыцарскую кольчугу – все, кого успел собрать и отправить на помощь верный и честный княжич Александр Ярославич. По правую же руку – ополчение весей, вооруженное попроще и побед-

нее. Никакой брони и мечей, только топоры и дубины да обо-
жженные на концах колья вместо копий, но хоть щиты есть
у всех.

И, наконец, позади пещев – две тысячи панцирных
гридей во главе с самим воеводой! На могучих, рослых же-
ребцах встали под началом Еремея лучшие воины владимир-
ской и суздальской дружин! А всего двенадцать тысяч воев
без учета немногочисленного ополчения Переяславля – оно
целиком укрылось в граде по наказу воеводы: будет кому де-
тинец оборонять, коли враг действительно столь силен и все
же возьмет верх в сече...

А поганые действительно сильны, ничего не скажешь!
Поднимаются с реки многие тысячи легких конных лучни-
ков, строятся верховые в единую линию, в которой хорошо
прослеживается строй. И от опытного взгляда воеводы не
укроется, что разбита вражья рать на полки, что есть у нее
и центр, и правое, и левое крылья, по приказу монгольско-
го военачальника способные действовать самостоятельно...
Опасны татары, вдвое превосходя русичей числом, и стынут
сердца воев при виде столь могучей рати агарян!

Наконец поганые окончательно построились, и безмолвно
замерли друг напротив друга смертельные враги. Лишь ледя-
ной ветер полощет стяги с вытканными на них ликами Гос-
пода, Богородицы да золотым владимирским львом, нещад-
но треплет мохнатые бунчуки татар... Но вот забили бара-
баны нехристей, завизжали, закричали дико поганые, и по

велению темника Субэдэя ринулись в атаку многие тысячи всадников!

– Хур-р-р-ра-а-а!!!

Глава 1

– Стоим! Стоим!!!

Разносится над рядами русичей рев сотенных голов, упреждающий невольно дрогнувших ратников! Неудержимо летит на воев конная тьма, дрожит под многими тысячами копыт земля, и кажется, что одним ударом стопчут всадники пещев! Но опытные гриди да ополченцы понимают: степняки не бросятся в лоб на ошетилившуюся рогатинами и кольями рать, не погонят лошадей на склоненные навстречу им заостренные надолбы... А как приблизились кипчаки, да тюрки, да монголы к мужам владимирским на сотню шагов, так разнесся над полем новый крик сотников и тысяцких:

– Щиты!!!

Зашевелилась боевая линия русичей, поднимая над головами круглые да ростовые каплевидные щиты, смыкая их краями да сжимая строй, а поганые, подобравшись на полсотни шагов, принялись заворачивать лошадей, бить из тугих составных луков в сторону противника. Закрутили нукеры смертоносный хоровод, и каждый лучник успевает отправить в полет когда две, а когда и три стрелы с широкими плоскими наконечниками-срезнями...

Молчат орусуты, ждут приказа их стрелки, а ведь меньше их, много меньше, чем у татар! Но понимая, что от плотности сцепки щитов зависят их жизни, вой построили настоя-

щую стену, и редко когда в крохотную брешь удачно влетает степняцкий срезень...

Кружат у надолбов два десятка огромных хороводов по несколько сотен всадников в каждом – тысячи стрел летят во владимирскую рать едва ли не в упор, уже с тридцати шагов! И столь плотен их поток, что едва ли не закрывает он небо над головами русичей... Однако вой стоят не дрогнув, и, наглухо закрывшись щитами, они несут лишь малые потери. А ведь запас стрел у нукеров не безграничен, и восполнить его не так просто! Понимая это, разочарованный Субэдэй, уже убедившись, что врага никак не вытянуть за надолбы и не перебить ливнем срезней, приказал тюркам и кипчакам спешиться, оставив верхом лишь соплеменников, легких лучников-лубчитен.

Туаджи уже доложили нойону, что берег со всех сторон занятого орусутами междуречья покрыт столь скользким льдом, что подняться по нему нет никакой возможности. А потому бить врага можно лишь в лоб, лицом к лицу! Сердится Субэдэй-багатур: его нукеры привычны к быстрой скачке, к обходу противника на крыльях, к ложным отступлениям и засадам, к конной перестрелке... И наоборот, на земле они слабы! А ведь еще свежи воспоминания темника о том, как безуспешно пытались спешенные монголы ворваться в лагерь орусутов у Калки... Хорошо помнит багатур, как орусуты рубили нукеров страшными ударами боевых секир, цепко держа стену из сцепленных между собой телег! Тогда их

удалось выманить лживыми обещаниями о сохранении жизни, воспользовавшись сильной жаждой, охватившей врага... Но ныне остается уповать лишь на численное преимущество покоренных!

Приказ есть приказ. Без всякой охоты спешились кипчаки и тюрки, пустив вперед нукеров с копьями. Остальные же перехватили деревянные да плетенные из ивы щиты и двинулись следом, оголив клинки, – неровной, скученной толпой, уже без всякого подобия строя... Ибо степняки, столь умелые в роли наездников, пешего боя не знают! Уже не столь смело наступают татары, с легким страхом смотря на сцепленные щиты орусотов, да храбрятся смельчаки, подбадривая окружающих:

– Эти бабы в мужских штанах боятся нас столь сильно, что не смеют и носа своего показать! Мы легко выломаем колья, а после перережем глотки трусливым псам, как резали глотки их визжащим бабам!

Однако русичи не боятся врага. Страшнее всего было, когда едва ли не в упор подскакала к ним тьма татарских всадников, когда дрожала земля под копытами тысяч коней и ливень стрел закрыл от воев солнце... Но сейчас, когда спешенные степняки, зачастую защищенные лишь халатами, медленно приближаются к могучей владимирской рати, ратники уже не чувствуют страха, вовсе нет! Лишь от напряжения и волнения подрагивают их руки, сжимающие древка рогатин да топоров, да нетерпеливо переминаются мужи с ноги

на ногу – поскорее бы!

Но вот татары наконец-то приблизились на тридцать шагов, и тогда раздался над рядами русичей громкий, яростный боевой клич владимирских воев, заставив поганых вздрогнуть от неожиданности:

– Не жале-е-еть!!!

И разомкнулись щиты, и взвились в воздух сулицы, с силой брошенные во врага дружинниками и ополченцами! Град дротиков ударил в дрогнувших нукеров, выбивая тех, кто не успел поднять щит, и вонзаясь в защиту тех, кто оказался проворнее. Вот только под тяжестью угодивших в щиты сулиц невольно опускаются руки татар, а уже полетела в поганых вторая волна дротиков! Едва ли не половина нукеров первой линии пала на окровавленный снег, да погибло множество нехристей во второй!

И вновь взвились в воздух сулицы, а потом еще раз и еще... Всего пять бросков сделали ратники, начисто выбив три ряда нехристей, а в четвертом нукеры вынужденно бросают наземь щиты или пытаются срубить древки впившихся в них дротиков... Но уже летят во врага сотни стрел, выпущенных в упор русичами, да болты новгородских самострелов! И вновь падают сраженные ими покоренные, щедро орошая кровью снег, укрывший русскую землю...

Сойдись с владимирцами на этом поле лишь кипчаки да турки, уже бежали бы поганые, завывая от ужаса! Но гонят их вперед злая ярость монголов и негибаемая воля Суб-

эдэя-багатура! Переждали уцелевшие степняки обстрел, закрывшись щитами, ответили лучники из задних рядов, поранив, повыбив многих орусутов... Да ринулись наконец нукеры к надолбам, готовясь ловко накидывать на заостренные бревна арканы, выламывая их из ледового плена, дробить булавами, а если надо, то и голыми руками вырывать из утоптанного снега да промерзшей земли!

Но по команде сотников уже подались навстречу поганым гриди княжеской дружины и новгородские панцирные вой, ополчение белых сотен и даже простые мужи с кольями наперевес! И ворога встретили мощные уколы тяжелых рогатин и копий – точно бьют русичи в просветы в надолбах, рая и убивая визжащих от боли и страха татар!

Напряженно замер темник, глядя, как докатилась до орусутов многочисленная толпа покоренных, да как замерла она на месте, не в силах продвинуться ни на шаг! Лишь дикий вой увечных да рев сражающихся докатились до его слуха, заставив Субэдэя тревожно вглядываться вперед, ловя удобный момент для развития атаки. Но одновременно с тем багатур всерьез раздумывает: может, стоит дать приказ на отход? Ведь не посмеют покоренные отступить без его слова, но есть ли смысл гробить их жизни, коли орусутов не одолеть в лобовой схватке?!

Напряженно наблюдает за тем, как идет схватка у надолбов, и воевода Еремей. Не скрыто от его взгляда, что многие кольца уже вырваны изо льда арканами ловких половцев да

турков, что появились уже узкие проходы в заграждении... Но по центру и на левом крыле стена ростовых червлёных щитов русичей, ошестинившихся рогатинами, намертво закупорила эти бреши, не позволяя врагу продвинуться ни на шаг! И лишь по правую руку, где, пусть и храбро, бьются с ворогом плохо вооруженные и слабо защищенные ополченцы лесных весей, удастся теснить его воев поганым! Но Еремей спокоен. Пока что он ждет следующий ход врага...

Субэдэй также разглядел, что его нукерам удалось продвинуться вперед на левом крыле орды, и отправил туда гонца-туаджи с приказом кюганам: как можно быстрее выламывать колья, насколько возможно расширив проходы на своем участке! И пусть спешенные покоренные готовятся расступиться, разойтись в стороны перед тараном тяжелой конницы! После чего темник приказал пяти тысячам бронированных хасс-гулямов, отборных всадников Хорезма, готовиться к атаке... В прорыв же, следом за гулямами, Субэдэй решил бросить и легких лубчитен, все еще держащихся в седлах. Они отрежут противнику путь назад и ударят стрелами в спины пешцев-орусутов! Также туаджи отправились и к тургаудам, до поры стоящим на правом крыле монгольского войска, с приказом прибыть к ставке нойона.

Воевода Еремей вскоре разглядел, что перемещаются поганые, что смещаются полки их вправо, готовясь ударить всей силой там, где слабее всего строй русичей! Отправил он на помощь ополченцам конную тысячу обрусевших бе-

рендеев, и те принялись кружить за спинами соратников, посылая во врага стрелы через головы воев... Но даже эта помощь уже не смогла изменить исход схватки. Спешенные нукеры поняли, что подаются назад орусуты, что уступают им в схватке землепашцы, бьющиеся дрекольем да тяжелыми плотницкими топорами, из-за чего все их движения слишком медленны, и бешено усилили натиск, словно почуявшие кровь голодные волки! Поганые едва ли не целиком потеснили полк правой руки от надолбов, растащили колья – и расступились, уступая дорогу бронированным хасс-гулямам!

– Хур-р-ра-а-а-а!!!

Гремит над полем боевой клич неверных, полощет ветер их знамена! А в ответ густо летят стрелы крещеных берендеев, целящих по скакунам хорезмийских всадников! Но большинство лошадей в первом ряду гулямов защищены кольчугой или дощатой броней да стальными налобниками. И седла у них, как и у русичей, позволяют и к противнику развернуться с луком в руках, и крепко ударить копьём на разгоне... словно тараном врезались в ополченцев несколько клиньев тяжелой конницы, разом сокрушив и так дрогнувший, истончившийся строй плохо обученных пешцев!

Побежали вой, на ходу бросая топоры да дреколья, да широко разевая рты от ужаса – кажется им, что не остановить стремительный натиск хасс-гулямов, что нет спасения! Брызнули назад конные лучники-берендеи, стремительно уходя от набравших разгон хорезмийцев, подобных

древним катафрактариям Парфии или саваранам Ирана... Но уже летят в бок вражеским клиньям две тысячи тяжелых, столь же крепко бронированных гридей! С грохотом сшибаются панцирные всадники, тараня друг друга копьями, отчаянно круша булавами, рубя саблями и топорами – сила силу ломит! Смят, опрокинут один из мусульманских отрядов, но еще четыре заворачивают к русичам, охватывают их с правого крыла, отрезая от крепости, начинают давить массой, более чем вдвое превосходящей дружину воеводы... А за спинами гулямов бросились в прорыв четыре тысячи конных монгольских лучников, желая закрыть гибельное кольцо вокруг гридей, зайти в тыл еще держащим строй пешим владимирским дружинникам да новгородцам... С отчаянным кличем бросились навстречу врагу отступившие было берендеи, замедлив, но не остановив монголов!

И в этот самый миг воевода Еремей, оставшийся с горсткой ближников, поднес к губам боевой рог – и протяжно загудел он, подавая сигнал соратникам! Да принялся знаменосец отчаянно махать стягом с владимирским львом, повторяя призыв воеводы так, чтобы разглядели его с надвратной Глебовской башни! И спустя всего несколько мгновений открылись ворота, и скоро набирая ход, хлынула через мост колонна тяжелый гридей, ведомая княжичем Всеволодом Юрьевичем – три тысячи отборных витязей Владимира и Ростова!

До поры спрятал их во граде воевода Еремей, укрыл от

глаз вражеского военачальника... Зная и перенимая повадки степняков, он намеренно поставил напротив ворот самых слабых своих воев, намеренно удержал до поры дружинников, не позволив сразу остановить атаку гулямов... А теперь в бок и в тыл хорезмийцев летит, набирая ход, клин могучей владимирской конницы, настоящих европейских рыцарей! Хотя нет: те пока не столь бронированы, защищены лишь кольчугами, а русичи скорее подобны ромейским клибано-форам!

Гулямы заметили нового врага и даже попытались встретить его, развернувшись лицом и бросая лошадей в тяжелый галоп... Но набрать скорость они не успели. К тому же после прорыва линии ополченцев и первого столкновения с дружинниками большинство воинов осталось без копий! И когда схлестнулся с нукерами узкий клин владимирских гридей, неудержимо разогнавшихся в тяжелом галопе и склонивших рогатины перед копейным тараном, русичи буквально рассекли надвое строй вражеских всадников, выбивая их из седел и стоптав всех, кто пытался преградить им путь! Между тем хвост колонны дружинников в воротах еще даже не показался...

Видя это, довольно усмехнулся воевода Еремей и, вновь поднеся к губам рог, протрубил трижды! И вновь взвились, закружились стяги, теперь уже с ликами Христа и Богородицы, и загремело над рядами пешцев большого полка и полка левой руки яростное:

– Не жале-е-еть!!!

Глава 2

– Не жале-е-еть!!!

До поры ратники лишь сдерживали напор врага, лишь обороняли все ширящиеся бреши в надолбах, но теперь, по призыву сотников, вой двинулись вперед! Шаг, другой, третий – давят дружинники силой сразу нескольких стройных рядов, отталкивают от себя поганых, переставляя ростовые щиты вперед! А закрывшись ими, усиленно разят татар рогатинами и мечами, крушат булавами! Не отстают от пеших гридей владимирские и московские топорщики, метнувшие во врагов последние сулицы, а после свирепо набросившиеся на кипчаков и тюрков, отчаянно рубя их секирами! Дрогнули, не ожидая такого напора, покоренные, дрогнули, смиаемые, теснимые бешеными орусутами...

Между тем свежие гриди Владимира и Ростова, ведомые княжичем Всеволодом Юрьевичем, уже едва ли не надвое рассекли хорезмийцев на всю глубину их строя! Пусть постепенно сбавляя ход, но одновременно с тем расширяя прорыв по мере выхода из города новых сотен. Словно в тисках сдавлена большая часть отряда хасс-гулямов между двумя дружинами! Две с половиной тысячи нукеров и не менее половины монгольских лучников отчаянно рубятся практически в окружении, избиваемые с двух сторон, тая, словно снег на весеннем солнце! А еще тысячу с небольшим тяже-

лых всадников да вдвое больше легких стрелков-лубчичен ратники теснят к обрыву Трубежа! И уже падают с крутого ледового спуска первые нукеры вместе с лошадьми, и хорошо, если удастся им обойтись лишь ушибами... Ибо тех, кого в падении придавило собственной лошадью, без хороших лекарей уже не поднять. Но кому-то не смогут помочь даже лучшие лекари...

Жестокая схватка развернулась напротив ворот Переяславля, там, где стояли до того ополченцы. И побеждает в ней владимирская рать, давит врага, теснит, по центру же и на левом крыле татары и вовсе спасаются бегством! Клонится чаша весов боя в сторону русичей!

Но Субэдэй-багатур слишком опытен и искушен в битвах, чтобы так легко проиграть... Нойон оставил при себе гвардейцев-телохранителей – самых верных, самых преданных и неистовых в битве. Батыров, для которых смерть на поле боя является честью, а бегство – нестерпимым позором! Ни на мгновение не дрогнув, три с половиной тысяч тургаудов темник отправил на помощь истребляемым гулямам, готовым вот-вот показать спину, а оставшуюся тысячу – тысячу Кукуджу! – послал навстречу покоренным... Лишь его собственные телохранители, как и телохранители Кюльхана и Байдара, остались рядом с многоопытным Субэдэем – багатур придержал подле себя обоих чингизидов, при этом не позволяя прочим темникам мешать ему вести бой!

И нойон не просчитался: завидев бунчук его сына, кип-

чаки и тюрки замедлили бег, а подскакавший к ним туаджи яростно закричал:

– Бегите к лошадям, мы поможем оторваться! Быстрее садитесь в седла и возвращайтесь в бой, стреляйте в орусотов, не подпуская к себе! Да быстрее же!

И нукеры послушно побежали к лошадям, все быстрее отрываясь от пытающихся догнать их дружинников, закованных в кольчуги или чешуйчатую броню, не оставивших столь тяжелые ростовые щиты... В эти мгновения преимущество защиты пеших гридей обернулось для них серьезным недостатком в скорости! А тысяча тургаудов Кукуджу, обогнув нукеров, чье бегство стремительно обращалось в осмысленное отступление, на скаку протаранила вырвавшихся вперед московских ополченцев...

– Хур-р-ра-а-а!!!

С разбега пробивают монголы потерявших осторожность орусотов копьями-чжидами, расстреливают из тугих составных луков! В одночасье урянхай смяли ряды белых сотен, опрокинули, заставили спешно бежать назад, принялись преследовать их, истребляя в спину, покуда в бой не стали уже возвращаться конные лучники покоренных. Пока небольшими группами до десятка нукеров, но они тут же закружили хороводы, засыпая стрелами владимирских ратников! И если до того срезни их редко находили бреши в стене щитов русичей, то во время преследования ряды воев расстроились, и потери от обстрела степняков тут же воз-

росли... Закричали, срывая голос, тысяцкие да сотники, заревели витые боевые рога, призывая мужей остановить атаку и отступить, на ходу смыкая щиты! Вступили в схватку лучники Владимирского княжества – пока что на равных с ворогом, ибо число вернувшихся конных стрелков все еще невелико...

Темник же, завидя поражение московского ополчения, позволил гвардейцам вдоволь покрошить улепетывающих топорщиков, после чего остановил атаку сына. Ибо таранить в лоб уже начавших отступать и выравнивать строй гридей, оцетинившихся рогатинами, было бессмысленно: прорыв линии копейщиков слишком дорого обошелся бы соплеменникам-тургаудам! Бреши в строю орусотов не столь велики и быстро затягиваются, сквозь них не проникнуть в тыл ко все еще многочисленным пешцам врага... Главное, что Кукуджу удалось остановить бегство покоренных и вернуть их в битву, а судьба сражения решалась ныне на правом крыле битвы, куда Субэдэй и поспешил направить последнюю тысячу тургаудов!

Между тем вступление в сечу многочисленного отряда тяжело бронированных монголов уже изменило ход боя! Ибо ханские гвардейцы, уступая батырам орусотов в лобовом таране из-за низости и меньшего веса своих скакунов, оказались неудобным, жестким соперником в ближнем бою. Используя оснащенные крюками копыя-чжиды для стаскивания всадников с седел, они также наносят ими сильные колющие

удары, а еще чаще стреляют из тугих составных луков в упор, целя в лица врагов! Свирепы и умелы тургауды с клинками, стремительно и сильно рубят они противников палашами чжурчженей и чуть искривленными степняцкими саблями!

Но ведь и русичи врагу ничем не уступают! Остановившись под напором свежих сил поганых, а после и попятившись назад, они каждую пядь земли отдают лишь после бешеной схватки! В темно-синих от гнева глазах владимирских, ростовских и суздальских ратников татары видят скорую смерть. И вскоре она действительно забирает гвардейцев с очередным уколом копья, сокрушающим тараном рухнувшей сверху булавы, лихим ударом клинка! Но и гриди падают на утоптаный, бурый от пролитой крови снег, под копыта верных жеребцов...

Воевода Еремей с горечью смотрит на кипящую по правую от него руку схватку, где в первых рядах сражается княжич Всеволод. Понимает мудрый воин, что с каждым мгновением победа утекает из его рук... Когда же последняя тысяча тургаудов Субэдэя вступила в бой, воевода спешно отправил гонца к новгородцам с приказом уходить в детинец Переяславля, при этом поставив воев с самострелами в первый ряд и не дав себя окружить, отрезать от крепости...

Одновременно с тем направил Еремей гонца и к берендеям: отступайте, мол, переведите дух, а после помогите выйти из схватки левому крылу, а затем и центру, отогнав срез-

нями наседающих на русичей татар! Наконец приказал воевода отойти назад и конным грядям, стоящим в задних рядах, – все одно до них не дошел черед в сече, даже рогатины у большинства сохранились! Пусть и они дадут отдых жеребцам, да сами наберутся сил, когда же придет время, ударят навстречу врагу, разгонятся, сойдутся с погаными в конной сшибке!

Внимательно посмотрел воевода на солнце – давно уже перевалило небесное светило через зенит, скоро опустится к краю земной тверди... Начнет смеркаться – и бой закончится, разойдутся сражающиеся. Главным образом потому, что станет невозможно стрелять, да и в сече своих от чужих в темноте не различишь!

Невольно закручинился Еремей: немного ведь не хватило ему для победы... Ежели было бы возможно где спрятать три тысячи конных грядей так, чтобы могли ударить они разом да всей силой, а не растянутой на сотни шагов колонной... Но негде было укрыть дружинников Всеволода Юрьевича, кроме как в крепости! Да и потом, в любом случае их удар был для врага внезапен – еще чуть-чуть, и опрокинули бы хорезмийцев! Кто же знал, что у поганых тяжелых всадников вдвое больше...

Пятится назад новгородский полк, сохраняя равнение в рядах и прикрываясь от степняцких срезней ростовыми червленными щитами, да огрызаясь размеренными залпами самострелов. Но не отпускают тяжелую панцирную пехоту

половцы и тюрки, преследуют поганые ратников левого крыла, пройдя сквозь многочисленные бреши в надолбах. Кружат татары смертоносные хороводы, приближаясь едва ли не на тридцать шагов и стреляя уже в упор, в крохотные щели между щитами! Обтекают ратников степняки, пытаясь обойти и по бокам, отрезать об большого полка, в тыл войти!

Но тут уж успели новгородцам на выручку чуть ранее вышедшие из сечи берендеи. Не щадя себя, поскакали они навстречу поганым, закружились перед ними, отвлекая лучников врага и посылая десятки срез ней в ответ!

А большой полк пока стоит, не двигаясь с места. Только-только отступили дружинники за уцелевшие надолбы, растянули строй, вновь перекрывшись щитами. Уцелевшие же при отходе владимирские стрелки отошли назад и ныне помогают крещеным берендеям: часто, залпами бьют по степнякам, не позволяя врагу просочиться сквозь разрыв между владимирскими и новгородскими ратниками... Зато увлекшиеся обстрелом, чересчур поверившие в себя половцы решили попробовать на прочность тонкую линию червлених щитов лобовым ударом – вдруг прорвется под лихим натиском?! Надеются покоренные отомстить за бегство, задобрить сурового темника скорой победой... Ведь брешей среди вырванных арканами надолбов полно, так почему бы не попытаться продавить истончившуюся цепочку орусотов?!

Что же, попытаться действительно стоило... И разогнавшиеся было степняки смело ударили по ошетинившейся ро-

гатиными, но всего трехрядной линии ратников Владимира! Ударили, пустив скакунов в галоп, вновь задрожала земля от многочисленности бегущих лошадей! Но тут же отхлынули назад поганые от недрогнувшей стены щитов, оставив на снегу, среди обломков копейных древков, до того воткнутых втоками в землю, десятки туш, пронзенных широкими, тяжелыми наконечниками коней! И придавленных животными наездников... Нет, не пробить лобовым ударом пусть даже и истончившийся строй пеших гридей!

На правом же крыле битвы, где тяжелых всадников у монголов стало едва ли не вдвое больше, чем у русичей, поганые неудержимо теснят дружинников к мосту! Тысячи мужей уже пали с обеих сторон, и каждая пядь земли завалена трупами убитых, лежащих вперемешку... Однако все чаще проникают тургауды в прорыв между большим полком и отступающими гридями, готовы уже они зайти в тыл орусутам, окружая хоть пеших, хоть конных ратников...

Но ведь не зря воевода Еремей приказал тысяче владимирских витязей выйти из сечи, переждать, набраться сил, дать отдохнуть скакунам! И вот настал черед свежих ратников, полетели они навстречу прорвавшимся гвардейцам нойона, склонив копья и разгоняясь для таранного удара! Только гремит над полем яростное:

– Не жале-е-еть!!!

И вторит владимирскому кличу монгольский:

– Хур-р-р-ра-а-а!!!

Сотни тургаудов смело поскакали навстречу орусутам, держа обеими руками чжиды или стреляя на скаку, целя в лошадей врага. И многих ратников им удалось таким образом спешить! Но большинство дружинников доскакали до поганых и буквально втоптали их в землю, вышибая рогатинами из седел урянхаев, не закрывшихся щитами, да опрокидывая их на снег вместе с низкорослыми, не очень тяжелыми лошадьми...

На короткое мгновение могло показаться, что этот таран вновь качнул чашу весов боя в пользу русичей, что им удастся опрокинуть тяжелую конницу татар! Но нет, смяв первые ряды, кулак владимирских гридей вскоре завяз в плотных рядах нехристей, впрочем, намертво заперев брешь между полком правой руки и большим полком. И в эти же мгновения новгородская тысяча вступила наконец на мост! Вперед побежали ратники с самострелами, чтобы быстрее подняться на стену и уже с высоты городней да облама Глебовской башни бить по врагу, прикрывая отступление своих!

И тут же воевода Еремей отправил гонцов к тысяцким большого полка – пришел ныне их черед отступить к мосту, покуда конные гриди вытянутым полукольцом сдерживают натиск тургаудов и хасс-гулямов... К слову, разбитые ополченцы весей, а после и москвичи, давно уже укрылись в детинце, приходя в себя после сечи и разом усилив защитников Переяславля. Есть теперь кому встретить врага, коли случится внезапный прорыв!

Но прорыва не случилось: в густеющих вечерних сумерках бой закончился, как воевода Еремей и предполагал. Несмотря на мощное давление врага, гриди не дрогнули, сумели удержать натиск лучших нукеров Субэдэя, а большой полк уцелел благодаря жертве отряда берендеев. Начисто опустошив свои колчаны, отгоняя от пещев хороводы поганых, они ударили навстречу половцам, своим давним врагам еще со времен степных войн! Впрочем, пришлось скрестить сабли обрусевшим, нашедшим новую родину огузам и с соплеменниками, служившими до того хорезмшахам, а ныне подчинившимся монгольскому господину... Крещеные тюрки сражались храбро и умело! И все до единого легли в утоптаный, окровавленный снег, так и не дав татарам обойти большой полк с крыльев, зайти владимирским ратникам в тыл и отрезать их от Переяславля, безнаказанно расстреливая в спину...

Последними отступили княжеские гриди, вымотанные, отдавшие сече все силы, на столь же уставших жеребцах. Израненные, в посеченных доспехах, большую часть битвы сражавшиеся с двукратно превосходящим врагом... Уцелело всего полторы тысячи ратников! Но они вышли из смертельной схватки неспешным шагом, с высоко поднятыми головами и все так же гордо реющими над ними стягами – стягами с ликами Спасителя, Богородицы и золотым владимирским львом! Вышли непобежденными и несломленными, явив врагу всю мощь и стойкость тяжелой конницы ру-

сичей!

От большого полка осталось три тысячи дружинников, а от ополчения – и богатого городского, и бедного весей – около двух тысяч воев. А вот новгородский полк понес наименьшие потери, сохранив в своих рядах семь сотен панцирных ратников! Словенам повезло, они даже не пытались догнать бегущих поганых в бронях, а лишь метали им в спины сулицы, топоры, стреляли из самострелов... И отступали они также первыми, а широколезвийные наконечники срезней, даже находя бреши между щитами, не могли пробить новгородскую чешую.

Выжил княжич, выжил опытный воевода, не сумевший победить и не сумевший помочь рязанцам... Но сколь бы ни корил себя Еремей, в наступившей ночи Субэдэй-багатур корил себя гораздо страшнее, роняя скупые слезы перед телом сына Кукуджу! Смелый кюган лично повел тысячу тургаудов на помощь соратникам и сумел прорваться с гвардейцами сквозь ряды орусотов, отрезая их конницу от пешцев! Сумел прорваться, чтобы тут же угодить под встречный таран батыров врага... Помутневшие от слез глаза нойона снова и снова возвращались к бескровному лицу погибшего сына, чью спину рассек на излете страшный удар чекана... И черной ненавистью исполнилось сердце нойона! В припадке незнакомой багатуру ярости приказал он казнить всех пленных, в большинстве своем схваченных ранее беженцев-хашар да раненых, взятых на поле боя...

Лишь когда к Субэдэю вернулась способность трезво мыслить, он понял, что совершил ошибку. Ведь нукеры должны были гнать хашар перед собой во время будущего штурма, чтобы женщины, старики да дети орусутов послужили покоренным и монголам живым щитом, чтобы первыми закидали они ров вязанками хвороста, чтобы из-за их спин стреляли лубчитены по защитникам стен... Но нет теперь живого щита.

Нет ныне и половины нукеров в туменах, выделенных нойону Бату-ханом! Сложили головы в яростной сече под три с половиной тысячи хасс-гулямов и около полутора тысяч тургаудов, чуть позже вступивших в бой. Погибло также и две тысячи монгольских лучников, прижатых орусутами к ледяному обрыву и сумевших отступить лишь после удара ханской гвардии! Легкая же конница покоренных и вовсе сократилась более чем на семь тысяч... Впрочем, большая часть их потерь пришлось на ту часть боя, когда спешенные всадники пытались пробиться сквозь надолбы и потягаться с орусутами в ближней схватке... А учитывая, что к началу сражения в трех туменах нойона было под двадцать шесть тысяч нукеров, пало более половины – и сражаясь с кем?! С ратью врага, меньшей их едва ли не вдвое! Да монголы на Калке понесли меньшие потери, сойдясь с объединенной ратью четырех князей и половецкой ордой в придачу!

Да уж... Субэдэй теперь никуда не уйдет от деревянных стен неизвестного ему града. Ибо багатур орусутов, столь

умело проведенный бой, применив против степняков их же прием с ложным отступлением и последующим за ним внезапным ударом, должен умереть. Обязательно умереть! Ибо слишком опасен...

Впрочем, желая принести Бату-хану голову талантливого воеводы орусотов и понимая, что никак нельзя оставлять в тылу крепость, в коей укрылась семитысячная рать врага, в душе нойон более всего хотел отомстить за смерть сына, за своего любимца... А потому он приказал разбить лагерь и выслал десятки разъездов, окруживших город и внимательно следящих за тремя воротами Переяславля.

Утром же нойон повелит обвести детинец линией надолбов на случай вылазки противника, разошлет по округе небольшие отряды кипчаков в поисках очередных беженцев (и съестных припасов!) да отправит туаджи к Бату-хану с просьбой о помощи. Ведь уже скоро подойдут к ларкашкаки задержавшиеся тумены Бурундая, придет Кадан, вот пусть их сюда и направят... Ибо чтобы штурм был успешен, нужно хотя бы трехкратное превосходство в нукерах – и, конечно, необходим осадный обоз...

Глава 3

Я проснулся будто от толчка, в первые мгновения не понимая, где нахожусь, ошарашенно пялясь на закоптившийся потолок избы-четырёхстенки. А перед внутренним взором все еще мелькают картины ожесточенной схватки, крики сражающихся и звон металла, обоняние словно по-прежнему улавливает тяжелый запах парящей на морозе крови... Наконец, проморгавшись и придя в себя, вспомнив вчерашний день и вечер, я поднялся с пола и двинулся к большей кадке с водой, аккуратно перешагивая через соратников: очень захотелось пить.

Судя по серому, мутному свету, пробивающемуся через крохотное оконце-дымоход под самым потолком, время уже предрассветное, скоро общий подъем. А там уж не откажем себе и в завтраке, сварив пшеничную кашу с вяленным мясом в настоящей печи да в глиняных горшках... Сейчас топящаяся по-черному печка уже практически остыла, отдав за ночь все тепло, и вода в кадучке покрылась льдом. Хорошо хоть не очень толстым, и, не слишком сильно ударив по нему кулаком, я без особого шума его разбил. После чего набрал воды черпаком и принялся неспешно пить, пытаюсь хоть немного согреть во рту ледяную влагу, от которой натурально болят зубы...

Зябко. Зябко было в последние часы сна, и зябко – а ско-

рее даже холодно, причем очень, – будет на марше. Только во время утреннего и вечернего приема пищи, когда мы едим горячее, тело действительно отогревается... С тоской окинув взглядом занятую воями избу, я с острым сожалением подумал о том, что следующая ночевка может состояться и под открытым небом! Татары по какой-то странной логике жгут брошенные поселения – точнее, одни жгут, другие нет, но чтобы уцелевшие веси попались нам к концовке дневного перехода хотя бы два раза подряд... На такое, увы, рассчитывать не приходится.

Сделав еще один скупой глоток из черпака уже совершенно онемевшим ртом, остатком ледяной воды я умылся и, вновь переступая через спящих товарищей, двинулся к пустующим у стола лавкам. Казалось бы, странно, что все вой легли на пол, тогда как кто-то мог разместиться и поудобнее, но мужская солидарность – она такая... Никто не захотел себе лучших условий, чем у соратников, постеснялись искать для себя даже минимального комфорта, в то время как другие будут отдыхать на полу.

И я постеснялся... Хотя, кстати, не так и плохо поспали. По крайней мере, впритык друг к другу было немного теплее...

Добравшись наконец до лавки, я сел за стол, прислонив к нему перевязь с саблей, и только теперь прояснившейся головой принялся анализировать все то, что увидел, невольно вспоминая при этом последние события...

Из Пронска мы выступили два дня назад, сейчас начинается уже третий. А тогда с первыми лучами солнца сквозь ворота тыновой стены град покинули полторы сотни всадников – все, кто решился идти к Рязани, уповая непонятно на что! И в их числе был и я, все время оборачивающийся назад, ловя взглядом печальное, белое от волнения и страха за меня лицо Ростиславы, наблюдающей за уходом дружинников с надвратного укрепления.

К слову, было немного странно видеть самую дорогую для меня женщину, беременную моим же малышом, там, где я недавно сражался, убивал, где лилась кровь моих соратников, где погибали защитники Пронска... Удивительно, но даже когда город был осажден, а от княжеского терема до ставки монгольского темника оставалось всего три версты, я все равно никак не мог себе представить, что Ростиславе грозит опасность, что враги могут оказаться рядом с ней... Будто ров между детинцем и крошечной княжеской цитаделью был не очередной преградой на пути татар, а границей совершенно иного, насквозь безопасного мира! И хотя разумом я осознавал, что это всего лишь заблуждение, однако чувствовал все равно иначе...

Да, из города на помощь столице выдвинулись лишь полторы сотни дружинников. Правда, отлично вооруженных и снаряженных, с заводными лошадьми, с максимальным запасом стрел, арбалетных болтов, сулиц и «чеснока». Да и каждый из гридей стоит в схватке трех поганых! Но все одно нас

лишь полторы сотни...

Впрочем, в душе я даже обрадовался тому, что все пронские и ижеславские дружинники да ополчение Пронского удельного княжества остались в граде. Ибо отправься с нами в поход пусть даже все до единого боеспособные мужи – а это всего около тысячи ратников, – что бы мы смогли сделать семи туменам Батыя?! Разве что доблестно умереть, оставив беззащитным град, с таким трудом отбитый у татар! Уж лучше пусть по-прежнему пребывает дружина в Пронске – если не полноценный штурм с применением катапульт и требушетов, то хотя бы стремительный, пробный наскок тумена защитники сумеют отбить... Как и атаку разбойной банды степняков-мародеров, что вполне могут дезертировать из орды. Благо я оставил Михаилу Всеволодовичу все собранные «скорпионы» и подготовил расчеты к ним, а уцелевшие кузнецы и плотники принялись изучать стрелометы с целью воссоздать творение лучших городских мастеров! Увы, павших в битве... Хватает в крепости и выздоравливающих от ран воев, так что мое сердце не так уж и сильно болит при мыслях о Ростиславе... В отличие от сердца Коловрата, из всех сил подгоняющего крошечную дружину и буквально рвущегося в Рязань!

Впрочем, помимо боярина и горстки его личников, а также черниговских воев, среди гридей хватает именно рязанцев, а также дружинников из Белгорода, Переяславля, Коломны, Перевитска, коих выделил под наше начало князь

Юрий Ингваревич. Причем если боярина можно хоть немного успокоить, в очередной раз пересказав ему первое – и единственное – видение о его спасшейся семье, то что скажешь прочим ратникам об их родных?! Потому-то и рвутся вой вперед, к любимым, надеясь защитить близких от орды...

От елецкой сотни осталось всего две дюжины воев, сумевших продолжить путь. А от сторожи Кречета – только я, Микула, прибившийся к нам Ждан да, собственно, дядька. Братья-половчане получили раны в последней сече и остались в Пронске, а про Захара и Лада и вовсе ничего не известно с тех пор, как остались они на заимке разбойников вместе с освобожденными пленницами...

Но если тысяча воев ничем не сможет навредить орде, то на что вообще рассчитывать полутора сотням дружинников?! Я искал ответ на этот вопрос все последние дни – и не находил его. Наоборот, в голову закрадывались всякие низкие мыслишки: мол, я сделал все, что смог, и теперь нужно остаться в Пронске, рядом с беременной возлюбленной!

Действительно, сделано уже немало. В засадах, оборонительных боях за Ижеславец, в ночной битве в лагере Када-на да в обоих штурмах Пронска (и последующей резне татар, спровоцированной мной же!) нам удалось истребить едва ли не три тумена поганых – практически треть сил вторжения! Я абсолютно уверен в том, что в прежней истории враг понес куда меньшие потери перед коломенской битвой.

А у нас ведь пока нет ни одного взятого штурмом города, и главные силы княжеской рати пока еще даже не вступили с монголами в бой! Это с одной стороны, а с другой – я сделал все, чтобы задержать врага на льду Прони и спасти рязанских воев от самоубийственной пограничной битвы! Сделал все, чтобы уберечь простых жителей от разграбления, насилия и смерти... Я выиграл самый ценный ресурс – время, рассчитывая, что владимирское войско успеет прийти на помощь Юрию Ингваревичу раньше, чем стольный град княжества будет осажден!

Но, судя по последнему видению, мои радужные ожидания не оправдались... Во-первых, Субэдэй сумел разбить отряд княжеских дружинников, сдерживающий продвижение орды по реке. Мы прошли место схватки в первый день нашего движения, видели павших. Но брошенные тела убитых, с коих сняли все оружие и доспехи, до неузнаваемости изгрызли лесные хищники и припорошило снегом... Павших никто не разглядывал, мы прошли мимо, отгоняя стрелами обезумевших от человеческой крови и мяса волков. А оказывается, это было место славной гибели русичей... Что, к слову, только подтверждает правдивость увиденного наяву этой ночью.

Во-вторых, какое-то количество пленников татары все же взяли, а за Рязанью число сгинувших беженцев выросло многократно. Более того, Субэдэю удалось хотя бы временно решить проблему снабжения туменов Батыея, а значит, на-

строения в лагере хана вполне себе оптимистичные, бодрые, и вряд ли сытых покоренных удастся подбить на мятеж... Учитывая же, что наши дозоры проводили отступивших от Пронска поганых до самого Ижеславца и что, со слов ратников, никто из половцев или мокшан не развернул лошадей на север, разжигать бунт просто некому. Н-да, не разыграть нам эту карту... По крайней мере, пока.

Зато у Батыя теперь есть достаточное количество времени, чтобы основательно подготовиться к штурму и до основания снести стену на участке шириной так шагов в восемьсот!

Остается лишь надеяться на то, что в новой истории число защитников Рязани не столь и мало. Даже с учетом выделенной нам дружины (включая сотни Захара Глебовича), гридей Пронска и пронского же ополчения, а также погибших на реке воев, у Юрия Ингваревича все равно должно остаться практически девять тысяч ратников. Девять против сорока... Но ведь не в чистом поле драться, а защищать брешь в стене: с флангов не обойти, не окружить, и атаковать можно лишь в лоб! Учитывая же, что даже после гибели княжеской рати на Воронеже в моем прошлом Рязань билась пять дней (по версии Рашида ад-Дина – всего три, но китайцы называли и все семь), то в городе укрылось достаточно боеспособных мужчин из числа беженцев! Плюс там оставалась личная охрана княжеской семьи... Так что есть кого поставить и на стены, и кем закрыть брешь. А скорее, даже бреши...

Но, в-третьих, главная моя надежда на скорую помощь владимирской рати не оправдалась! Да, от Коломны до Переяславля воевода Еремей преодолел приличный путь – до столицы княжества ему оставалось всего около пятидесяти верст, то есть максимум два дневных перехода. Но сделать их русичи уже не успели...

Правда, исход главной битвы русского северо-востока, в отличие от моего прошлого, сложился если не в пользу владимирцев, то уж точно не январским разгромом у Коломны! Или еще не сложился, и мне было показано будущее, на которое, впрочем, нам уже никак не повлиять... В любом случае сил на успешный штурм крепости у Субэдэя нет, не удастся поганым и долгая, изнурительная осада: может, запасов в городе не столь много, но у татар их всяко меньше. И помощи темник не дождетя – по крайней мере, помощи уничтоженных нами туменов Кадана, Бурундая и Бури! Однако если Батый рискнет выделить нойону часть осадной техники и как минимум еще один ту-мен в помощь, вот тогда сил у штурмующих может и хватить...

Я бы на месте хана точно усилил бы корпус Субэдэя для успешного штурма и уже после вернул бы тумены нойна к Рязани. Тотально разграбив Переяславль, вывезя все съестные припасы да набрав побольше хашара – это уже следуя логике монголов. Как-то встречал упоминание, что поганые не начинали штурм без рабов. Правда, под Ижеславцем и Пронском отсутствие живого щита из местных татар не сму-

тило...

Что во всей этой ситуации можем сделать мы? Если рассуждать трезво и объективно? Да ничего, ровным счетом ничего. Попытка подобраться ночью к порокам по спящему вражескому лагерю, даже если нам ну очень повезет пройти незамеченными, кончится лишь короткой и губительной для нас схваткой, как только загорится первая же катапульта. Но на самом деле я уверен, что перебьют нас еще на подходе к катапультам и требушетам – их очень хорошо охраняют, тут надо быть реалистами. То же самое касается и китайцев – с началом резни осадных инженеров у нас останутся считанные минуты, пока тургауды числом не задавят... И опять-таки, только в том случае, если нас не раскроют еще во время движения по лагерю!

Хорошо бы вообще ничего не делать, а вернуться в Пронск и надеяться, что монголы не возьмут рязанские города! Или возьмут, но понесут при этом столь чувствительные потери, что дальнейшее их движение вглубь Руси потеряет всякий смысл. А после уповать на чудо – что пройдут поганные мимо Пронска, бросив осадные машины под Рязанью за ненадобностью, или же не станут терять время на штурм не столь и значительной крепости...

Но, увы, так поступить не могу лично я, не говоря уже о рязанцах нашего отряда. С ними-то все понятно, да, впрочем, и со мной тоже. Ибо нельзя мне оставить в беде соратников, проливавших кровь рядом со мной, защищая Пронск и

мою любимую! А у них ведь тоже любимые, тоже семьи, кои дружинники надеются уберечь... И помочь им – есть мой долг чести!

Но сколько бы я ни ломал голову, единственный вариант – это дойти до Рязани и незаметно добраться до подземного хода, ведущего за пределы крепости: Коловрату известно его местонахождение. А уже в городе наладить выпуск собственной артиллерии-«скорпионов», хотя до требушетов даже с высоты башенных сторож стрелометы все равно не достанут... Но, так или иначе, в бою своя артиллерия лишней точно не будет!

Однако... Орда ведь очень велика, стоянка даже четырех туменов будет огромной, и добраться незамеченными до подземного хода может и не получиться... И что тогда? Тогда остается партизанить, наносить частые беспокоящие удары, и возможно, удастся оттянуть на себя какие-то силы... Правда, оттянуть – одно, а вот засада у нашего крошечного отряда уже не получится. И взять воев совершенно негде. Евпатий в моих видениях собрал вокруг себя остатки разбитой на Воронеже рати да немногих бойцов, спасшихся после штурмов Ижеславца, Пронска, той же Рязани... Соответственно, сейчас этого ресурса у нас нет, и в возможностях мы сильно ограничены.

Как бы то ни было, пока что кампания развивается пусть и не по лучшему варианту, но точно не так катастрофично, как в изучаемой мной истории тринадцатого века. А главная

интрига на текущий момент – это действия великого князя Юрия Всеволодовича. Ведь, по логике вещей, сейчас он должен набирать вторую рать на севере княжества, одновременно с тем ожидая подкрепления в виде новых новгородских полков...

И вновь историческая параллель: в моем прошлом эту рать, разбросанную по нескольким поселениям на реке Сити (князь таким образом обеспечил «отмобилизованным» во-ям крышу над головой и кров), обнаружили разведчики из корпуса Бурундая. Вполне возможно, что с помощью предателей из местных... А после обнаружения вторую владимирскую рать уничтожили по частям за одну ночь и последующий день! Впрочем, половина корпуса поганых также осталась на Сити... Но татары уйдут на юг, пополнят свои тумыны кипчаками и прочими покоренными и вновь вернуться на Русь, атакуя уже юго-западные княжества...

В любом случае перспективный план князя Юрия связать орду осадой сильной владимирской крепости, оставив в нем крепкий гарнизон, а после деблокировать ударом извне владимирских и новгородских полков, не сработал. Владимир пал после короткой осады и яростного, кровавого для обеих сторон штурма, а Ярослав Всеволодович и вовсе не отправил старшему брату помощи. В последнем, кстати, многие видят предательство отца Невского и едва ли не договоренность с Батыем!

Но на самом деле все намного проще. Киевская рать

слишком мала, княжество уже давно растеряло былое могущество, а «мать городов русских» достается сильнейшим князьям в качестве статусного трофея. Потому, когда к Ярославу прибыли гонцы брата с призывом о помощи, он выступил в Новгород лишь с малой личной дружиной, предварительно передав Киев Михаилу Черниговскому. И, опять-таки, выступил не сей же час... А сколько времени добираться с юга Руси на север?! Даже если сын Александр заблаговременно стал собирать новгородские полки, быстро он сделать это не мог, ведь события последующих лет ярко продемонстрировали, что новгородцы не особо подчинялись молодому князю даже в случаях критической опасности для себя! Например, на шведов Александр пошел с крошечной личной дружиной и несколькими уже готовыми к бою отрядами знатных новгородцев, а вот сбора гридей и ополчения Новгорода князь не дождался...

Второй же по величине и силе город севера – удельный Псков – и вовсе ведет собственную независимую, а порой и враждебную новгородцам политику... Так что на текущий момент Александр вряд ли смог собрать достаточную рать, а отец его вполне еще может находиться в пути! И в моем прошлом, получив известие о разгроме под Коломной и падении Владимира, новгородцы вполне могли просто отказаться выступать против Батыя, рассчитывая переждать нашествие орды за крепкими крепостными стенами!

Так что на помощь Ярослава Всеволодовича вряд ли при-

ходится надеяться, а вот сам Юрий может успеть собрать вторую рать! Время на это мы уже выиграли... Приведи он ее с севера прямо сейчас – и решился бы вопрос с Субэдзем, осаждающим Переяславль! И вполне возможно, что даже и с Батыем... Если бы объединились обе армии великого князя, а во время решающего сражения из Рязани навстречу им ударила бы дружина Юрия Ингваревича!

Вот только... Насколько мне известно, собирать новое войско великий князь стал лишь после гибели первого под Коломной. Так что интрига номер один – придет ли к нам с севера решающая помощь, или нет? А номер два – воспользуется ли в принципе данным ему временем Юрий Всеволодович?!

За тяжкими, не самыми радостными думами мои глаза вновь начали смыкаться, и в какой-то миг, незаметно для себя, я вновь провалился в тревожную дрему...

Глава 4

Юрий Ингваревич стоял в продуваемой всеми ветрами стороже надвратной башни, с волнением вглядываясь в темноту, старательно вслушиваясь в пока еще вполне мирные звуки лагеря отдыхающих поганых, и словно не замечал резких порывов ветра, не замечал сильного холода. Столь велико было его напряжение в эти минуты, что по спине князя Рязани невольно струились капли пота, а сердце бухало так часто, что отзвуки его ударов слышались прямо в ушах...

Этой ночью решится многое – возможно, сама судьба города и его княжества, судьба близких... В том числе внука Ваньки и матери его Евпраксии, жены вероломно убитого сына... Ваня ведь так похож на маленького Федора, что в груди болезненно щемит при одном взгляде на малыша, а глаза невольно застилают влагой... Теперь внук стал наследником рязанского престола, теперь внук продолжит их род!

Если выживет.

Если удастся отстоять город.

Если сегодня все задуманное князем получится...

Стольный град княжества укреплен гораздо слабее, чем древний Чернигов с тремя полноценными кольцами стен и каменным детинцем, и уж тем более он слабее Киева, состоящего из нескольких полноценных крепостей, объединенных в один город! Даже молодой Владимир, как кажется, защи-

щен лучше – там и две внутренние стены, и крепкая каменная цитадель... Но ведь еще древние греки, а точнее, лучшие среди их народа воины-спартанцы говорили: самые крепкие стены города – это мужество его защитников!

Князь невольно усмехнулся, вспоминая эти слова, и с горечью, но одновременно и с гордостью подумал о том, что мужества защитникам Рязани не занимать! Ведь от клятвопреступников, посмевших убить княжеского сына-посла, а до того потребовать его молодую жену на ложе Батыя (да пировавших на Калке на задавленных ими же киевлянах!), никто уже не ждет ни пощады, ни сострадания... Да и рассказы болгарских еще беженцев, к коим раньше относились с недоверием, теперь передавались из уст в уста. Множились по городу ужасные истории о зверски замученных и убитых воях, уже раненых и сдавшихся в полон, о растерзанных женщинах и изрубленных младенцах во взятых погаными Биляре и Суваре, заставляя рязанцев холодеть от ужаса... И одновременно с тем укрепляя воев в готовности драться до последнего!

Сейчас, глядя на огромный лагерь Батыя, князь с острой благодарностью вспоминал порубежника, добывшего ценного языка и убедившего Всеволода Михайловича вывести рать из порубежья. А уж последний сам донес до князя слова ельчанина...

Удивительное ведь дело – от самоубийственной битвы рязанцев спас простой ратник! Где он теперь, этот грамотный

и смелый молодец, знающий о грехах царя Леонида, жив ли, или пал в одной из множества схваток на реке? Горстка гридей и порубежников действительно сумела задержать поганых на льду Прони, но вот сжечь пороки уже не смогла. Вон, высятся практически достроенные махины полутора десятков огромных камнеметов, а рядом стоит множество пороков поменьше... И как же их много! Таким стены Рязани на пару-тройку дней обстрела, после чего орда ворвется в крепость сквозь многочисленные и широкие бреши...

Впрочем, у Юрия Ингваревича ведь есть кому встретить татар. Три тысячи конных гридей – лучшие вой Рязани, Муррома, Белгорода, Переяславля, Перевитска, Коломны! И пешие дружинники: столько же опытных копейщиков и топорщиков, умеющих строиться стеной щитов, да самые умелые стрелки с тугими составными луками... И наконец, три тысячи отборных ополченцев – сыны порубежья со степью, знающие, за какой конец взять саблю или меч, практически на равных с половцами владеющие луком и копьем, уверенно держащиеся в седлах. На своем веку многим из них уже довелось оборонять родные веси от кочевых разбойников, а порой и догонять их уже в степи и вместе с дружинниками Ельца, Ливен, Воргола отбивать полон... С этими воями князь выступил против Батыея, с ними же вернулся защищать стольный град!

Но помимо дружины и наиболее крепкого ополчения в Рязани укрылось множество беженцев, а среди них и бое-

способные мужчины. Воевода Яромир, старший над личной охраной княгини и княжны с княжичем Иваном – а это четыре сотни гридей, – еще до возвращения князя стал собирать из прибывших в город мужей новое ополчение. Да, большинство новоиспеченных воев юнцы, кто едва может поднять топор, или старики, кто пока еще может... Но ведь хватает и мужей в расцвете сил и лет! Крепких, жилистых лесорубов с узловатыми руками и широкими, мощными кистями, привычных к тяжелым плотницким топорам, да ловких охотников, умелых в обращении с луком и довольно метко бьющих даже из простых однодревок...

Среди них выделяются статью матерые, могучие медвежатники, порой в одиночку добывающие хозяина леса с секирой да охотничьей рогатиной! Одним словом, есть кому на стенах драться... И вот Яромир начал собирать из беженцев сотни, выделяя на каждую по десятку дружинников, назначая из числа ближников сотских голов. Гриди подучат ополченцев, покажут личным примером, как нужно драться, вдохновят в сече! А крепкими, бывалыми мужами из лесорубов и охотников старались равномерно разбавить стариков и юнцов... Кузнецы же, единственные, кого не стал воевода верстать в ратники, денно и ночью трудились, перековывая широкие плотницкие топоры в узколезвийные чеканы (ими и рубить сподручнее, и удар выходит страшнее!) да вырабатывая все запасы крицы... Каждый день из кузней выносили десятки наконечников для стрел и сулиц, рогульки желез-

ные, стальные умбоны, и плотники с кожевенниками тут же принимались собирать щиты, мастерить срезни и дротики...

Яромир закрепил за сотнями участки стены, приказав заранее натаскать наверх камней да залить городни водой с внешней стороны – лед укрепит тарасы, а скользкий подъем на вал наверняка помешает штурму... И с возвращением князя да могучей рязанской рати, с прибытием жителей Белгорода и беженцев окрестных весей воевода стал лишь еще быстрее создавать новые отряды ополчения!

Юрий Ингваревич, высоко оценив старания боярина, разбавил защитников стен опытными дружинниками-лучниками, убрав из сотен совсем уж слабых стариков и безусых юнцов, а за каждым участком обороны закрепил отряды пещев-гридей и опытных порубежников. Те смогут сменить соратников в городнях, если последние вымотаются в бою, или усилят их, коли совсем тяжело придется защитникам во время штурма! А вот три тысячи конных воев, лучших из лучших, князь до поры оставил при себе. Там, где случится прорыв поганых, туда и поспешат всадники, верховые ведь быстро доберутся до любого участка стены...

Кажется, все предусмотрели князь с воеводой, все возможное от себя сделали, хотя, учитывая огромное число беженцев и могучую рать, запасов еды в городе хватит ненадолго. Но ведь и татары не собираются медлить перед штурмом! Он последует уже скоро, судя по поспешным приготовлениям врага... И стоит признать, действуют поганые очень

грамотно, толково: как только начали разбивать лагерь, вражеские лесорубы тут же потянулись в лес, чтобы валить молодые деревья на надолбы, а водоносы в это время устремились к реке. Не стали тянуть вороги и со сбором метательных машин!

Позавчера князь упустил самый удобный момент для вылазки – вечер и ночь первого дня осады, когда не была готова линия надолбов перед крепостными стенами, когда остовы пороков татары унесли в лагерь. На тот момент это еще было возможно... Но на первую ночевку вся орда собралась вместе, и число поганых раз в семь превосходило княжье войско. Правда, без учета нового ополчения, но и выводить плохо обученных и слабо вооруженных мужей в поле было совсем неразумно... Да и даже с ними нехристей было в три с лишним раза больше!

Но уже на следующий день, когда едва ли половина туменов Батыя ушла на север, татары успели закончить и двойную линию вмороженных в землю надолбов, опоясавшую всю северо-восточную стену и протянувшуюся до берегов Оки, и уже практически закончили собирать пороки – вон они, висят за преградой! А рядом с камнеметами расположилась и многочисленная охрана осадных орудий...

И все же именно этой ночью князь решился на вылазку. Ибо если не сегодня, то уже никогда! Юрий Ингваревич хорошо запомнил слова порубежника Егора об опасности татарских пороков, теперь он и сам ее отчетливо понимал...

Как и то, что лиши поганых камнеметов, и им нечем будет сломать крепостные стены! А пытаясь забраться на них, они быстрее умоются кровью, чем войдут в Рязань!

Нужно лишь сжечь пороки, закрытые от врат крепости на-долбами, охраняемые многочисленной бдящей охраной. Вон среди костров изредка мелькают фигурки прохаживающихся, чтобы не замерзнуть, дозорных... И потому князь решил действовать наверняка!

Половцы ведь нередко роднились с русичами, порой гибких и стройных станом, горячих в любви жен-половчанок приводили с собой из похода вой. Порой из полона возвращались бабы с приплодом или рожали после того, как их сна-сильничали степняки... Бывало всякое, в том числе и настоящие, крепкие браки по любви. Так или иначе, но в порубежье жило много мужей с половецкой кровью в жилах, воспитанных русичами как воины и защитники от разбойного соседа. Внешне похожие на степняков, нередко перенимающие искусство боя кочевников, их одежду, выучившие их язык... И среди отступивших с князем ополченцев порубежья хватало подобных ратников!

Этим днем из числа ополченцев и дружинников отобрали полторы сотни похожих на половцев воев, знающих язык, обрядили их в имеющиеся в городе одежды степняков или похожие на них. Вооружили саблями, вогнутыми внутрь степными щитами, выдали бурдюки с льняным маслом, да каждому выдали по огниву. Вечером ряженные ратники прошли

подземным ходом, а уже ночью они должны были войти в лагерь с восточной его оконечности! Там, где к кибиткам и шатрам кочевников практически вплотную прилегает лес... И если им все удастся, ратники под покровом тьмы должны незаметно прокрасться сквозь стоянку поганых к порокам и поджечь их!

Вот только сквозь охрану столь малое число воев (а ведь для незаметного прохода по лагерю оно наоборот избыточно!) не пробьется. И потому ее нужно обязательно отвлечь...

Из Рязани за внешний обвод стен ведут два подземных хода, как и в большинстве крепостей русичей. Один – к воде, второй – далеко за пределы града, чтобы успеть спасти княжескую семью. Вот он кончается как раз в лесу, подступающем к стоянке поганых, и им же сегодня провели смертников, ясно понимающих, что после поджога пороков им вряд ли удастся вырваться за линию надолбов...

Вторым же, ведущим к крутому обрыву Оки у западной стены, вышли две сотни дружинников-пешцев с лыжами. Как только подобравшиеся к порокам вой подадут сигнал факелом – трижды проведут полукругом над головой, – гриди на лыжах последуют к заграждению.

Надолбы напротив пороков идут сплошной стенкой без проходов, но они ведь не вкопаны в землю, а всего лишь заморожены в снег! Выломать их, как можно скорее сделать брешь в ограде – и тут же в атаку пойдет тысяча конных дружинников, сейчас терпеливо ожидающих сигнала вниз,

у ворот! Они вместе с истцами прорвутся за колья, свяжут боем охрану пороков (возможно, даже сами успеют что-то сжечь), но главное, отвлекут нехристей! И когда ряженные в половцев русичи побегут к камнеметам, никто не подумает, что это враг – поганые примут их за своих, за поспевшую на выручку подмогу! И так будет, пока не загорится первый камнемет... Лишь бы только сумели пройти незамеченными по лагерю, лишь бы только не проявили себя раньше времени, подбираясь к порокам...

Но словно в ответ на самые страшные опасения князя, он вдруг отчетливо разобрал чей-то протяжный, пронзительный крик боли, раздавшийся со стороны татар! И в считанные мгновения стоянка захватчиков стала оживать испуганными воплями и ревом поганых, первым лязгом скрещенных клинков... Заметались фигурки дозорных у костров отдыхающей охраны пороков, стали вскакивать на ноги вороги, и, скрипя от бессильной злости зубами, Юрий Ингваревич крикнул Яромиру, бодрствующему на обламе башни:

– Давай сигнал пешцам! И передай приказ всадникам, пусть готовятся!

Уже понимая, что задумка его не удалась, князь все одно решил атаковать! Может, отвлеченные возней в лагере защитники камнеметов не сразу поймут, что началась вылазка из крепости? Потекли томительные минуты ожидания – и ведь действительно отвлеклись на начавшийся было короткий, отчаянный бой тургауды (именно своим гвардейцам

Батый доверил стеречь манжаники и вихревые катапульты), проглядели стремительный рывок лыжников к надолбам... Да и расстояние от заграждений до крепостной стены всего-то четыре сотни шагов, преодолеть недолго!

Но как только вой начали выламывать колья, скоро облачившиеся в худесуту хуяг монголы принялись бить по ним из составных луков да метать в сторону русичей горящие головешки. Те, упав на снег, затухают не сразу, какое-то время давая слабый, мерцающий свет, вырывающий из темноты мечущихся вдоль надолбов дружинников... И лучшие лучники во всей орде, гвардейцы-хорчины умудряются даже при столь тусклом освещении находить цели! А выпущенные ими срезни на близком расстоянии пробивают кольчуги...

Но покуда разгорается бой у линии надолбов, уже заскрипели ворота, и опустился вниз подъемный мост надвратной башни. Раскрылись створки, и загрохотали по толстым бревнам сотни копыт! Вылетела из крепости дождавшаяся своего часа старшая дружина, устремилась к заграждению, где уже появились первые, пока узкие проходы, в коих сошлись лицом к лицу тургауды и пешие гриди! Неистово рубят друг друга в хаотичной схватке лучшие вой обеих ратей, и ни одна сторона не может взять верх – отчаянной храбрости русичей противостоит холодная монгольская ярость! Ударом на удар отвечают друг другу гвардейцы, и только сраженные падают на забрызганный кровью снег... Однако ведь ширятся же бреши в надолбах, ширятся!

Четыреста шагов для тяжелого галопа всадников – это ведь не более восьмидесяти ударов сердца, практически ничего! Выпущенной из лука стрелой долетели гриди с уже зажженными факелами до проходов, и каждый сотник загодя затрубил в боевой рог, предупреждая соратников, чтобы успели уйти с пути... Кто-то успел, а кто-то и нет, но, сбивая порой и замешкавшихся русичей, дружинники протаранили преградивших им путь поганых, втоптали в снег хваленых тургаудов копытами тяжелых жеребцов!

Неистово, бешено рубят русичи спешенных монголов чеканами и саблями, крушат черепа врагов шестоперами, сгоряча не ощущая собственных ран! А их соратники подгоняют жеребцов шпорами, бросают на манжаники бурдюки с маслом, кидают на них зажженные факелы... И вот уже загорелся один порок, второй, третий, а пещцы все еще бьются за надолбы, расширяя проходы, и уже спрыгивают всадники из седел, стараясь помочь своим!

Впрочем, полсотни лучников на лыжах побежали дальше, вдоль заграждения... Они докатились до вихревых катапульт и там, быстро разведя костерок из запасливо прихваченного с собой сушняка, подожгли стрелы, заранее вымоченные в сере! И первый же залп их обрушился на ближний камнемет, запалив его в считанные мгновения...

Но уже не сотни – тысячи поганых бегут к лошадям, уже вся ханская гвардия скачет к месту схватки! А кюган тургаудов, защищающих trebuшеты и катапульты, отвел назад

стрелков-хорчинов и в свете трех из пятнадцати горящих манжаников приказал им бить по скакунам русичей! У многих ратников грудь верного коня защищена кольчужной попоной или даже дощатой броней, но срезни пробивают кольчуги, находят уязвимые места на незащищенных боках животных, и всадники падают вместе с лошадьми... Вскоре накрыли монгольские лучники и воев, ударивших по вихревым катапультам. Те сами выдали свое положение зажженными стрелами да костром, и в ответ вскоре хлестнул по ним град срезней, быстро выбивая дружинников...

И все одно прорываются русичи сквозь ряды поганных, выставивших перед собой чжиды и сбившихся в некое подобие «ежей». Еще два больших порока запылали, да три маленьких подожгли горящими стрелами слишком быстро гибнущие смельчаки...

Но уже доскакали до орусутов тургауды Бату-хана и ударили всей силой по рассеявшимся вдоль надолбов гридям, потерявшим ход! А ведь едва ли не половина ратников еще даже не миновала заграждения...

Юрий Ингваревич понял, что большего уже не дождется, что дружинникам не удастся прорваться к оставшимся порокам... Нет, нужно уводить людей, иначе погибнет слишком много воев, столь нужных при защите крепости, ведь на стене каждый умелый боец стоит троих ворогов! Затрубил он в рог, подавая своим людям сигнал к отступлению, а воевода Яромир уже зычно закричал лучникам с составными

дуками, тревожно наблюдающим за сечей у бойниц:

– Приготовиться!!! Пальцы грейте, покуда возможно!!!

Не лишний совет: с замерзшими пальцами теряются ловкость и сноровка стрелков, но матерые и умелые вой и сами все знают... Между тем, заслышав сигнал боевого рога, развернули коней еще не вступившие в бой гриди, отхлынули назад уцелевшие пешцы, растворились в ночной тьме, бодро покотив на лыжах к обрыву Оки, к подземному ходу...

А кто из боя вырваться не смог, тот в эти самые мгновения умирает. Тяжело раненный стрелой в лицо, или стащенный из седла крюком чжиды, или изрубленный саблями да затоптанный копытами монгольских лошадей... Но все еще сражаются старшие дружинники, в час собственной смерти выручая соратников! Последним волевым усилием ткнув рогатиной в ворога, или ударив булавой, или рубанув топором аль клинком... Выигрывают обреченные считанные мгновения, коих татарам не хватит догнать отступивших да на плечах их ворваться в град!

И когда тургауды, истребив у надолбов всех вступивших в бой русичей, бросились вдогонку, последние уцелевшие ратники уже вступили на мост! А прикрывая их, из ближних к воротам городней и облама башни ударил во врага град стрел! Впрочем, поганые все одно бы не смогли проскакать вперед – замыкающие колонну всадников вой рассыпали за собой железные рогульки, отбив у напоровшихся на них татар всякое желание продолжать преследование...

Ночной бой окончился, и, глядя на восемь огромных факелов да мечущихся в свете огня поганых, Юрий Ингваревич с тоской подумал о том, что его дружинники хотя бы попытались... А после твердо приказал обрушить оба подземных хода: коли ворог узнает от полоняников, как проникнуть по ним в крепость, жди беды!

Глава 5

Людская толпа, собравшаяся у собора Святой Софии, грозно зашумела, услышав о сборе ополчения. И в разных концах ее тут же раздались враждебные, нетерпимые возгласы подговоренных (или подкупленных) посадником и боярами заводил, надрывающихся изо всех сил:

– Не пойдем!

– Нет дела нам до владимирцев!

– Коли мужи уйдут, кто Новгород оборонит от псов-рыцарей да свеев?!

Многоголосен их крик, и слова заводил находят широкий отклик среди народа, собравшегося в детинце со всех концов великого града: Людина, Наревского, Славенского, Плотницкого, Загородского... И молодой, семнадцатилетний княжич лишь в бессильном гневе сжал кулаки: новгородцы в своем праве. Князь для них – лишь вожак на время военного похода! Но быть тому или нет, решает вече, а по сути – боярский совет, управляющий вечем через верных людей-заводил и подкупающий простых мужей посулами, а когда и дарами, и обильными угощениями с хмельными медами, текущими едва ли не рекой... Все зависит от того, насколько важно нужное для посадского и бояр решение веча, да насколько сложно убедить народ его принять!

Вот когда сами бояре не могут договориться между собой,

вот тогда вече становится едва ли не полем боя их интересов. Поле боя буквально – порой в ход идет дреколье и булыжники! Однако сегодня боярская верхушка Новгорода единодушна в своем желании отказать молодому княжичу...

И подкупать сейчас никого не требуется – новгородцы не хотят собирать рать на помощь Владимиру. Люди еще помнят Липицкую битву, в коей новгородские да смоленские полки разбили Владимире-суздальскую рать, ведомую Юрием Всеволодовичем да отцом княжича, Ярославом. Потери, как и взаимная ненависть с *обеих* сторон, были велики, и сердца людей ведь не остыли и до сей поры...

Помнят люди также и голод, разбушевавшийся в граде, когда Ярослав Всеволодович, разъяренный самоуправством посадника и бояр, осадил Торжок, не пуская зерно из низовых земель в Новгород. Сколько в ту страшную пору народа сгнуло, и думать страшно... А в другой раз, когда из-за неурожая вновь разразился голод, ближники князя и вовсе тайком вывезли обоих княжичей из Новгорода. Тогда воевода Федор Данилович и тиун Яким испугались ярости обезумевших от голода и горя горожан, ведь последние вполне могли растерзать мальчишек в отместку их жестокосердному родителю, не отменившему заботничье...

Между тем голод тот был особенно страшен, потому что запасы еды здорово сократились из-за переяславльской рати, стоящей летом в городе! Так что счет у новгородцев к владимирцам длинный, и желания складывать головы за бывшего

врага нет ни у кого...

Сегодня власти княжича Александра Ярославина, правящего от лица отца, хватило лишь на то, чтобы созвать вече и призвать народ выступить на помощь дяде, великому князю Юрию... К слову, еще когда прибыли в Новгород первые гонцы из Владимира, Александру удалось спешно собрать городской полк из числа ратников верных отцу бояр и отправить их на юг. При себе княжич оставил лишь две сотни конных воев старшей дружины, а верные бояре, отдав своих людей в поход, теперь никак не могут помочь с решением веча, ибо утратили они голоса мужей, кто мог бы сейчас перекричать заводил посадника, кто мог бы убедить новгородцев всерьез воспринять опасность вторгнувшихся на Русь врагов!

Но за всю свою историю Новгород не знал нападения кочевников, пришедших с востока и юга, зато ему часто приходилось сражаться со свеями. А тут еще и рыцари ордена меченосцев подступили к самым границам княжества, покорив земли чуди к западу от Изборска и до самых литовских владений...

И пусть отец громил меченосцев на Омовже. Пусть тяжелое поражение крестоносцы потерпели от литовцев в сече у Сауле, где рыцарей истребили едва ли не поголовно! Но остатки меченосцев уже прошлой весной объединились с тевтонцами... Великий понтифик католиков объявил их Ливонской комтурией Тевтонского ордена.

А тевтонцы усилили врага, отправив им на помощь шестьдесят рыцарей и шестьсот сержантов. И, таким образом, сейчас общее число ливонцев составляет до ста восьмидесяти рыцарей и двух тысяч сержантов. Кроме того, ландмейстер комтурии Дитрих фон Грюнинген собрал шеститысячное ополчение из крещеной по католическому обряду чуди... Не так уж и много. Вот только лазутчики докладывают: магистр тевтонцев Герман фон Зальца и король данов Вольдемар уже ведут переговоры о землях чуди – в частности, о построенном данами замке Ревель на месте захваченного ими Колываня. Ранее меченосцы взяли Ревель с боем, но если теперь из-за слабости своей они уступят его Вольдемару, последний вполне может поддержать крестоносцев своими воинскими отрядами...

Вот так сжимается гибельное кольцо вокруг Новгорода: с севера – свей, с северо-запада – даны, с запада – главный враг, немецкие ливонцы-меченосцы. Но самое страшное, бродит пограничный Псков, крепко бродит: до поражения при Сауле псковичи открыто помогали меченосцам, заключив с ними военный союз, а между сильнейшими городами севера Руси едва ли не началась война! Правда, после разгрома рыцарей новгородцы заняли ослабевший Псков (дружина его также понесла потери от литовцев), посадили в нем своего наместника. Но бывший князь Ярослав Владимирович, любимый и уважаемый в Пскове, сбежал к крестоносцам и ныне просит у них военной помощи! Подбивает вер-

нуть свой город, обещает, что переметнется он от Новгорода, откроет ворота рыцарям... И ведь посулы его далеко не лживы!

А потому все, кто считает, что нельзя отправлять большую рать во Владимир, по-своему правы. Да, велика сила одного из самых больших княжеств Руси! Новгород может собрать тысяч пятнадцать воев, включая богатый, хорошо вооруженный многочисленными купцами городской полк, опытных дружинников новгородских бояр, а также малые дружины и ополчение городов словенской земли – Ладуги, Изборска, Торжка, Старой Руссы. Наконец, к выгодному для них походу могут присоединиться и новгородские удалыцы-ушкуйники... Но нельзя ведь трогать отряды пограничных Ладуги и Изборска, лежащих на пути свеев и немецких крестоносцев. А какую бы часть городского полка ни отправили на юг новгородцы, крестоносцы и свей о том прознают еще до того, как покинут вой пределы княжества! Ибо Готский и Немецкий дворы Новгорода кишат лазутчиками всех ворогов разом...

Александр Ярославич, легко, пружинисто вскочив в седло подведенного к нему жеребца, со злостью посмотрел в сторону довольно улыбающегося посадника Степана Твердиславича и собравшихся вокруг него бояр. Вече примет именно их решение – кто бы сомневался! Но первые люди Новгорода не понимают, что если орда нехристей столь многочисленна и сильна в битве, как о том сообщают гонцы дяди

Юрия, то владимирская рать может проиграть! Будь иначе, разве он просил бы подкрепление столь требовательно? Но, сокрушив великого князя, монголы дойдут ведь и до Новгородских земель. Все случается впервые! И тогда сражаться придется уже на своей земле, всей своей ратью, вместо того чтобы отправить во Владимир половину войска или даже хотя бы треть его... А устоит великий князь с новгородской помощью, так разве не отправит он на север помощь в случае настоящей угрозы со стороны псов-рыцарей? Как отправлял уже ранее, когда разбили меченосцев при Омовже!

Не понимают, не хотят понимать, ослепленные собственной жадностью, упивающиеся кажущимся им всевластием... Может, сознательно желают, чтобы Владимир проиграл и крутой нравом да скорый на расправу Ярослав Всеволодович лишился бы поддержки брата да дружин родового Переяславля?! Кто знает...

Княжич легонько тронул пятками бока жеребца, направляя его к воротам детинца, когда навстречу ему подскакал боярин Таврило Олексич, высокий и кряжистый муж с крепкой рукой да храбрым сердцем, один из немногих действительно верных ему людей в Новгороде.

– Не кручинься, княжич. Когда прибудет Ярослав Всеволодович с дружиной, вече примет другое решение. Все помнят твоего батюшку и его крутой нрав, и даже посадник поостережется выступить против явно.

Александр, уступающий боярину и ростом, и сложением

– хоть и с пяти лет упражнялся молодой муж в воинском искусстве, но еще не вошел в мужицкую силу, – невесело усмехнулся. Рядом с Таврило он вдруг почувствовал себя не правящим от лица великого отца княжичем, вынужденным искать и принимать сложные решения, а все еще незрелым отроком, мечтающим о далеких подвигах и засматривающимся на каждую хорошенькую девицу... Потому сейчас он ответил искренне, не стараясь держать голос и подбирать нужные выражения:

– То-то отец Новгород бросил, оставив его на меня и на Федора... Царствие ему небесное...

Ненадолго посмурнев при воспоминании о рано ушедшем старшем брате, княжич продолжил с мечтательным выражением на лице:

– Эх, Таврило, бросить бы новгородское болото да махнуть с моей лишь дружиной в Переяславль, в родной дом, а уж там собрать ополчение да ратников! И то бы было больше толку и не так стыдно перед дядей!

Боярин, по-доброму усмехнувшись в густую бороду пшеничного цвета, ответил степенно и разумно:

– Нельзя, Александр Ярославич, никак нельзя. Две сотни гридей – сила весомая, но у великого князя дружинников будет всяко больше. А вот Новгород оставлять и вовсе без княжеской власти – не иначе как обречь его на гибель. Посадник Степан Твердиславич да бояре только сегодня на вече едины были, решая, посылать мужей на помощь Владимиру

или нет. Но в другом они не сойдутся, друг другу в глотку вцепятся, а внутренней распрей воспользуется враг – хоть свей, хоть меченосцы. Ты вот на Степана сегодня обиду за- таил – не противься, княже, на лице все написано, – но посадник власть свою никому не отдаст и за веру нашу держится крепко! А ведь в Новгороде есть и такие, кто с немцами единения и дружбы ищет, кто готов город под руку ордена отдать взамен за торговые выгоды... Вот и думай, княже, что случится, коли ты град оставишь без своей защиты!

Голубые глаза Александра Ярославича яростно сверкнули, напомнив боярину о горячей крови его грозного отца.

– Называй имена, Таврило Олексич! Не посмотрю ни на новгородское самоуправство, ни на посадника – к ночи головы предателей слетят с плеч!

Однако Таврило лишь качнул головой. Молод еще княжич, порывист... Нельзя имена ему называть: после унижения на вече Александр действительно может казнить тех, чья вина еще не доказана. И кто знает, не обманули ли верных людей боярина в Немецком дворе?

– Пока это лишь слух, княжич, неподтвержденный слух. Донесли о тайных переговорах мои доверенные с Немецкого двора... Вроде бы знаются с кем посланцы меченосцев, переговаривают, торгуются... А вот с кем, пока неизвестно.

Александр рубанул рукой по воздуху так, словно в ней зажат клинок:

– Сегодня же сгоню всех немцев из города! Всех, кто име-

ет отношение к псам-рыцарям, а заодно и к свеям!

И вновь отрицательно мотнул головой боярин:

– Тогда придется и купцов выгнать, а против этого восстанут уже наши бояре и торговые люди: им ведь еще в земли немецкие с товаром по морю ходить. Да и вышлем посланников меченосцев, так дадим им повод к брани... Лучше бы вместо того, чтобы злиться да гневаться, отправил бы ты сегодня, княжич, гонцов своих к посаднику. Пригласил бы его переговорить, да не о помощи Владимиру, а о том, что предатели-бояре готовы Новгород немцам али свеям отдать, что нужно не враждовать, а вместе держаться! И войско в готовности держать... И переговорил бы с ним ласково, с уважением, словно и нет в тебе обиды! А когда Степан Твердиславич тебя услышит, обратится к тебе со вниманием, подними речь и о помощи дяде. Хотя бы о том, чтобы в Торжок подкрепление отправить, ополчение его да дружину усилить на случай поражения Владимира...

Александр Ярославич только невесело усмехнулся:

– Мне бы твою мудрость, Таврило Олексич!

Боярин, услышав столь приятные его сердцу слова, довольно кивнул:

– Мудрость приходит с годами, княже. А ты пока молод и горяч, хотя со своим служением справляешься гораздо лучше прочих! Я по молодости лет был неразумнее тебя, еще как неразумнее...

Недолго помолчав, Таврило продолжил:

– И помни, Александр Ярославич: начнется, не дай боже, война с рыцарями или свеями, так все, кто хотят Новгород защитить, вокруг тебя объединятся, дружинников своих дадут тебе беспрекословно! Ты – наше знамя, ты – наш вождь, тебе и новгородцев вести в сечу! И потому негоже тебе даже думать о том, чтобы сбежать к дяде во Владимир, даже мыслей таких в голове не держи! Вот прибудет отец твой, тогда вече все и решит...

Последние слова Таврило Олексича чуть испортили то впечатление, что произвело на княжича начало его речи. Однако они были нелишни – сильна в Александре кровь деда его, Всеволода Большое Гнездо, прошедшего молодость в ромейской земле, во вражде с братом, и женившегося на ясской царевне! От него действительно можно дожидаться, что в горячности своей оставит Новгород, а ведь боярин ничуть не кривил душой, говоря про скорую гибель княжества, коли князь (настоящий, живой князь!) решится его оставить...

После недолгого молчания Александр неожиданно спросил:

– Коли литовцы – враг рыцарям, так отчего бы не заключить нам союз с врагом нашего врага?

Но Таврило Олексич лишь с сомнением пожал плечами:

– О том, княже, тебе стоит переговорить с отцом, как прибудет он в Новгород из Киева.

... Ведет личную дружину князь Ярослав Всеволодович сквозь земли Полоцкого княжества, спешит он по зимнику

как может, торопя людей. Но то и дело его воям приходится пробиваться через наметенные сугробы, перекрывающие дорогу! Когда есть возможность, рать его следует по льду рек, но, увы, этим путем удастся воспользоваться далеко не всегда. Вот и сейчас значительный кусок пути между Днепром и Ловатью преодолевают гриди по заметенной земле...

И всю дорогу старые раны терзают тело немолодого воина, а волнения и затаенные страхи бередают его душу! Ярослав Всеволодович полжизни провел в военных походах и битвах. Начал еще в тринадцатилетнем возрасте, повоевав в степи против половцев. Затем своим же чрезмерно крутым правлением в Новгороде довел до брани с тестем, Мстиславом Удатным, причем их противостояние вылилось в усобицу между старшими братьями Всеволодовичами: Ярославом и Юрием с одной стороны и Константином – с другой. А окончилась она жуткой, кровопролитной липицкой битвой, где погибли тысячи русичей, где едва ли не пал сам князь, потеряв шелом...

Да еще обернулась сеча самым страшным унижением в его жизни: Удатный забрал свою дочь Ростиславу – молодую и любимую жену Ярослава... И не отдавал, несмотря ни на какие уговоры и мольбы обоих супругов. Два года не отдавал! Лишь после тесть немного оттаял и позволил им воссоединиться, после чего семья начала быстро пополняться детками: красавица Ростислава подарила мужу девятерых сыновей и еще двух дочек! Но братоубийственная липицкая сеча

и сейчас является Ярославу в ночных кошмарах...

После нее был совместный поход с Юрием и Святославом на болгар, а двенадцать лет назад, вновь став новгородским князем, Ярослав наголову разбил большое войско воинственных литовцев близ Усвята! Разошлись литовцы после поражения русичей на Калке, воспользовались ослаблением Смоленского княжества да захватили всю Торопецкую волость, пограбили людей, побили купцов! Но отвадил их Ярослав, крепко да надолго отвадил...

Затем князь ходил на ямь и крестил корелу, после чего уже сам отразил нападение ями на свою землю. И наконец, всего четыре года назад сокрушил крестоносцев на Омовже вблизи захваченного ими Юрьева! Умылись тогда кровью псы-рыцари, заметно ослабели после поражения меченосцы...

Немало и крепко повоевал за свою жизнь Ярослав Всеволодович, случались на его веку и громкие победы, и сокрушительное поражение. Он познал в бою быстрых, юрких половцев, стремящихся заманить преследующего врага в ловушку и часто бьющих из своих составных луков. И упрямых в сече болгар, помимо легкой конницы располагающих и пешими копейщиками, и тяжелой конницей бахадиров, равной гридням русичей в конной сшибке... Он познал ярость и доблесть в сече Мстислава Удатного... Но всех их разбили монголы, всех!

Они захватили всю половецкую степь, взяли и разрушили

многочисленные болгарские крепости, ничем не уступающие по защищенности детинцам русичей... Разгромили на Калке войско четырех сильнейших князей южной Руси – рать, что заметно превосходила силы тестя и старшего брата на Липице! Так как они с Юрием смогут противостоять монголам, коли пойдут они на Владимир, а то и дальше – на Новгород?!

Три тысячи конных гридей ведет за собой Ярослав. Это и переяславльские ближники, и верные лично ему новгородские дружинники, с коими он взял Киев и утвердился в нем князем. И собственно киевские ратники, коих, увы, совсем немного... За годы вражды и соперничества русичей (а заодно и венгров, и ляхов!) за великий град земля княжества оскудела, а после Калки не осталось и тени ее былой мощи! Разве что торки представляют собой достаточную для сражения силу, но торки, по древнему договору с князьями, защищают степной рубеж, не влезая в бесконечные распри за Киев. Не удалось и Ярославу сманить их за собой...

Так кого же вести ему на помощь старшему брату? Времени на сбор ополчения у новгородского князя в обрез. А ведь еще и вече должно утвердить его созыв, но удастся ли убедить людей пойти на войну? Вспомнят ли они, что после Липицы владимирская рать сражалась вместе с новгородской на Омовже? Осознает ли опасность вторжения боярская верхушка? Ярослав однажды уже душил голодом строптивых новгородцев, заняв Торжок и не пуская обозы с зерном из Суздаля. Но как быть, коли Суздаль падет и некому

будет сеять и собирать урожай будущим летом, а на севере вновь выдастся холодное да дождливое лето?! А ежели не осознают, поднимется ли народ против князя, коли начнет он хватать да сажать в поруб бояр, посмевших не подчиниться? Одни вопросы...

А тут ведь еще и с севера давят вороги... Сейчас его вой попирают копытами верных жеребцов землю Полоцка, пока еще сидит в нем русский князь... Но меченосцы и рыцари рижских епископов уже отняли у княжества данников из племен чуди и отразили все попытки полоцких князей выбить немцев с занятых ими земель, где враг во множестве возводит деревянные в большинстве своем замки, но с каменными цитаделями.

Захватили псы-рыцари княжества Куконоское и Герсикское, зависимые от Полоцка, и перекрыли полочанам торговый путь через Двину, построив город-крепость Ригу в устье реки... Ослабело княжество в борьбе с крестоносцами – и тут же начали притеснять его литовцы! Последние также враждуют с католиками, но благодаря давлению внешнего врага они сплотились, окрепли, приняли единого для всех племен князя! И в итоге смогли разгромно разбить меченосцев при Сауле два года назад, заманив тяжелую рыцарскую конницу на болота...

Хорошо бы заключить с литовцами союз, вместе с ними начав давить немцев, да только не хотят те союза. Они, окрепнув, захотели воевать, захотели больше земель да бога-

той добычи! И ныне чередуют удары то по Полоцкому княжеству, то по Смоленскому, и в Новгородские земли пытались влезть! И если до Калки смоленские рати успешно отражали натиск литовцев, то ныне все переменялось – ослабели смоляне, того и гляди захватят вороги княжество! И вот что с этим можно поделаться-то, а? Когда враг неудержимо напирает с севера, а с востока в большой силе пришли никому не ведомые монголы?!

Хотя... Кое-что все-таки можно. У полоцкого князя Брячислава Васильковича ведь подрастает дочка, уже заневестившаяся красавица Александра. И, сосватав ее за старшего сына, Ярославу удастся сблизить Полоцк с Новгородом, отдалить его от литовского влияния! Тем более что будущие внуки смогут претендовать уже и на княжество... Наконец, для Александра такое решение также вполне удачно: молодой сын, горяч, как бы не натворил бед из-за играющей в жилах крови! Лучше уж пусть с законной, венчанной супругой милуется, тогда, глядишь, и детки побыстрее пойдут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.